Специальное дополнение к ноябрьскому выпуску «PsyNews»

Живая история

PSYNEWS
студенческая газета факультета психологии спбгу
ноябрь 2014

В связи с 70-летием открытия отделения психологии, мы попросили Наталью Анатольевну Логинову, доктора психологических наук, профессора кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, специалиста в области истории, теории и методологии Петербургской психологической школы, рассказать нам о том пути, который прошла психологичекая наука до создания факультета.

- Наталья Анатольевна, Вы были в числе первых студентов. Каким было Ваше впечатление, когда Вы поступили на факультет?

- Это было не здесь, а на Красной (ныне Галерной – корр.) – дворец Бобринского (сейчас там располагается факультет свободных искусств и наук СПбГУ – корр.). Он был чудесный, романтичный, хотя и очень запущенный и старый. Здесь тоже хорошо, но там было нечто особенное. Студентов было мало – это тоже хорошо: была очень дружная компания, где все близко общались. Сегодня у нас количество студентов давно перевалило за тысячу, и не то что на разных, а даже на одном курсе люди плохо знают друг друга. У нас это иначе было.
Мы поступили, и впечатление было радостное, как всегда, чувство победы, что ты попал. Занятия были только с октября, потому что всех отправили в колхоз на картошку, как было принято. Это помогло нам сблизиться, всё это так весело и остро переживалось.
Очень мне понравились первые лекции Б.Г. Ананьева. Он сразу возвысил нас до большой науки и всегда читал с большим чувством, самоотдачей. Это производило сильное впечатление и создало у меня восторженное отношение к самому университету, факультету, науке. Хотелось тут же что-то делать. И дальше все пошло с таким подъёмом и напряжением, как бывает, когда учишься всерьёз.

- Сильно факультет изменился за эти годы?

- Да, сильно. Время другое – это накладывает отпечаток на всё. В какую сторону? Всегда спрашивают, были ли студенты лучше. Пожалуй, да, в чем-то лучше. В те годы был очень строгий отбор, и попало много ярких людей. Мы с гордостью говорили про себя: «У нас что ни личность, то индивидуальность». Спустя много лет стало понятно, что люди пришли с желанием работать именно в науке. Это вообще была особенность того времени: университет ориентировал на науку. Сейчас по-другому. И абитуриенты приходят с настроем на практику, и факультет…

Об этом мы мало знали в свое время. Как практические психологи мы могли тогда лишь аккуратно прикоснуться. Некоторые, правда, создавали психологическую службу на производстве или в вузе, но это была все же редкость. Да и в учебный план практические курсы пришли позже. Хотя, надо отметить, была хорошо представлена психодиагностика. В образовании было много научного, и практика была скорее научного характера.

- Ананьев был идейным последователем Бехтерева, Сеченова, Ушинского… А мы сегодня продолжаем эти традиции?

- Я надеялась, но, кажется, оборваны линии комплексного исследования. Перспектива на человекознание, всестороннее и глубокое исследование структуры и развития человека, я думаю, была правильной. Но сегодня у нас слишком «актуальная» наука. На решение важных задач, как преступность или наркомания среди молодежи, бросают все силы. А исследования, прямо не выходящие на практику – фундаментальные, остаются в стороне. Да и время не того требует. Нужны научные спринтеры, а не стайеры. Мы не знаем, что будет с нами через 3-4 года, как тут мечтать о каких-то фундаментальных науках, у которых приложение может найтись через много-много лет.
Я ушла в прошлое, но, мне кажется, это такое прошлое, которое более всего и будет перспективно. Оно еще не исчерпано, там есть потенциал, который однажды оживет. Но чтобы о нем не забыли, надо это изучать, держать в поле зрения.

- То есть основная перспектива развития факультета, на Ваш взгляд, – возрождение традиций школы?

- Нужен какой-то новый импульс. Некоторые вещи полезно было бы вернуть даже в состав исследовательского инвентаря. Скажем, некоторые наши лабораторные исследования отпали совсем: работы по сенсорной организации – кто ими сейчас займется? Не чувствуется к этому интереса, да и не хватает лабораторной базы теперь. Боюсь, даже наши академические институты как-то мало интереса проявляют сейчас к чисто научным исследованиям. Так, к сожалению, во всей мировой науке.
Должен быть какой-то баланс. Я говорю о проблемах науки, а проблемы школы мне видятся тоже в этой связи. Если школа, что она должна хранить? Какую традицию? Я всегда думала, это мое убеждение, что здесь школа должна исходить из самой проблемы человека и в нем самом находить источники и его развития, и его проблем. Что такое человек глазами психолога в союзе с другими учеными – наш путь, и удержать его очень трудно, так как он требует обширных знаний в смежных науках. Специалистов, которые все это вытянули бы, тоже нет… Может прерваться… Так бывает не только с нами, школы – тоже вещь временная, как оказалось. А жаль.
Сегодня оно, может быть, как школа и не существует, но скорее, как некоторая склонность, особый круг чтения – в этом, пожалуй, мы еще сохраняем свою особость как школа. Наше мировоззрение складывается на основе фонда литературы и личного переживания, которые даются студентам, от нас к вам, а дальше вы… И все-таки осталось еще что-то почти неуловимое – научная атмосфера… Такова судьба вообще всех великих школ: они не могут длиться потому еще, что люди должны быть такого же масштаба. Это должен быть такой самозабвенный служитель науки, чтобы он буквально «прошибал стены лбом». Таким был

1. Ольга Шестакова, студентка второго курса факультета психологии ЛГУ (теперь СПбГУ) в стройотряде. 1967 г.

2. Студентки-психологи Ульяна Винокурова и Лена Сорокина с иностраными студентами на экскурсии в Киеве в 1970.

Бехтерев, фанат своего дела, нынешним языком говоря, Павлов такой был и Ананьев такой. Ранжировать их не буду, но в них был напор, страсть. Страстные люди в своих исканиях и желании сделать свое дело, во что бы то ни стало.
Общее состояние какое-то всего мира – измельчали. Время, правда, не способствует героизму. И в науке тоже.

- Наталья Анатольевна, история психологии, начиная с основания факультета, более-менее известна студентам. А какой была психология у нас в Университете до этого?

- В этом году я всех оповещаю о семидесятилетии со дня образования отделения в 44-м году. Вы об этом знали? Основали отделение, с этого все и началось. В 1944 году, когда Университет вернулся из эвакуации в Саратове, вышло правительственное решение организовать здесь отделение психологии. На год раньше такое отделение было основано в Москве. Там основателем был С.Л. Рубинштейн (не Леонтьев, а именно Рубинштейн), а у нас – Б.Г. Ананьев. Его пригласил специально ректор А.А. Вознесенский. Ананьев был очень рад тому, что в обществе началось такое движение в сторону психологии, и предложение было принято. Удивительно, ведь еще шла война, казалось бы, не до того, а все равно смотрели в будущее: рано или поздно война закончится. Никто не сомневался, что Победа будет за нами, и надо было открывать новые факультеты.

- Почему же выбрали именно психологию?

- На первый взгляд это кажется странным. Но объяснения тут были следующие. Психологи не дремали все эти годы, они развивались, несмотря ни на что, проводили свои работы, научные конференции. Книга С.Л. Рубинштейна была очень мощной вехой, показавшей лицо психологии. Он получил Сталинскую премию в 1942 году. Тоже не зря. Кроме того, во время войны удалось показать, насколько значима эта наука, что мы тоже нужны людям, а не просто сидим у себя в кабинетах. Кто-то работал в госпитале: Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин – все, кто что-то понимал в человеке. Они занимались становлением функций, движений, думаю, и психотерапия в таком комплексном лечении тоже была. Этот опыт, оборонный опыт советской психологии, подробно был описан в статьях. Была работа с разведкой, была работа по светомаскировке (в том числе Исаакиевского собора, в ней участвовал Ананьев). Всё это шло на пользу психологической науке, способствовало тому, что выделили средства на создание отделения. Открыли с нуля, тут никогда не было ничего подобного: ни лаборатории, ни кафедры. Были психологи, но от философии: А.И. Введенский, С.Л. Франк, еще раньше был ректор М.И. Владиславлев. Он еще в 19 веке защитил первую в России диссертацию по психологии «Современные направления в науке о душе», но он тоже был такой философствующий психолог, и в своих работах обобщал зарубежный опыт. Ну и всё. В МГУ было проще: у них с 1914 года был психологический институт. А у нас никого, если бы не было предшественников: В.М. Бехтерева, Института мозга. Там работали и В.Н. Мясищев, и А.В. Ярмоленко, и Б.Г. Ананьев, конечно. Еще малоизвестный вам Кауфман. Они и вошли как первый костяк отделения, и жизнь началась. Вроде бы с нуля, но была традиция. Сам Бехтерев здесь не работал, не учился, зато работали его ученики. Мясищев был его сотрудником много лет, Ананьев видел лишь несколько раз, а всё равно проникся этой идеей человекознания.

- Какими были первые направления исследования?

- Вообще, на что были силы, тем и занимались. Первые исследования были продолжением того, что делалось в Институте мозга: чувственное отражение, развитие. Так сохранялась преемствен-

ность. Потом пошли еще дальше, пытались оживить характерологию. Уже в 50е приехал из Крыма А.Г. Ковалёв, крупный ученый-характеролог. Эту линию они вместе с Мясищевым и поднимали.

- А что привлекало первых студентов?

- Ой, они ничего, наверное, толком и не понимали. Лишь единицы осознали, что это для них важно, что это их дело. Это те, кто слушал публичные лекции Бориса Герасимовича еще в годы войны. Как только он приехал, он решил, что надо собрать всех, кто еще тут есть живой из психологов, кто не остался на фронте, не погиб в блокаду. Чтобы к психологам относились благосклонно, Ананьев стал читать лекции для разных категорий слушателей в Обществе знаний (лектории) на Литейном и в других местах. Среди слушателей были партийные работники, которые имели власть и должны были посодействовать. Читались лекции и для горожан – тоже для знакомства с человеком, его потенциалом, вообще предметом психологии. Туда попали несколько человек, которые потом стали энтузиастами психологии: Л.М. Веккер, А.А. Бодалёв, Н.В. Кузьмина, которую вы, наверное, не знаете. Она сама не ходила, но ей рассказывали, и она из этих восторженных рассказов поняла, что это её. То есть шла молва, люди через своих знакомых узнавали, ходили, кто мог…
В первом наборе было всего четыре человека. Они «перетекли» с других отделений, не только философского. Веккер, например, до войны учился на физфаке. В войну был в блокадном Ленинграде, значит, не учился. Бодалёв был блокадником, пожарным в то время. Оба они пришли после тех самых лекций. У каждого были свои мотивы, у кого-то просто стечение обстоятельств. И не все ведь в психологии остались…

- Как дальше разворачивалась жизнь отделения?

- Очень трудно. Были такие годы, когда принимали по пять человек, жизнь психологического отделения еле теплилась. Слава богу, оно продержалось, а потом началась «оттепель» и обстановка изменилась. Жизнь как-то активизировалась, новые идеи появлялись и надежда, что все осуществимо. Всё, что делается в обществе, сказывается на науке не только в материальном, но и в духовном смысле. Вот и тут сказалась общая атмосфера радостного ожидания. Образование улучшилось, увеличился прием. Готовили крупные проекты, например, с космонавтами. Космическая отрасль сильно подвинула все общество лицом к психологии. Так что к моменту открытия факультета внимание к науке уже было привлечено. Но все равно, я думаю, борьба закулисная была большая. Крупные психологи писали записки, обращения в ЦК партии о том, что не хватает кадров, что необходим факультет. Писали статьи в журналы. Были очень активны и не боялись брать на себя ответственность. Это была тяжелая борьба за большую науку. Благодаря этим усилиям, в 1966 году в Ленинградском университете был открыт факультет психологии.

- Какой была атмосфера на факультете?

- Небольшой ведь был факультет, все друг друга знали в лицо и по именам. Атмосфера была большого дружного семейства, но без фамильярности. Как раз дистанция была. Все с огромным пиететом относились к таким «гранд-ученым»: к Ананьеву, например. Говорили, что коленки дрожали, когда к нему приходили, хотя он никогда не запугивал. Так просто к нему и не подойти, а ведь он с юмором, доступный, но сам тоже понимал, что он – это он, а другие… Эта дистанция чувствовалась, но масштабы были другие, не в этом дело. А вот желание действовать вместе было, чувство товарищества было. Мало конкурентности, к счастью, было. Не надо было думать, что тебя обгонят, а просто делай свое дело – и хорошо. Это мне кажется, я как студентка еще рассуждала,

3. Молодые специалисты-выпускники факультета психологии ЛГУ (теперь СПбГУ) в Новосибирске. В сибирских городах одни из них создавали первый психологический центр в Новосибирском электротехническом институте, а другие преподавали психологию в Томском гос. университете.

На фото Н.Н.Обозов, Э.Л. Хайт, М.А.Холодная, Л.Ф.Шеховцова, Л.В.Меньшикова.

4. Иосиф Маркович Палей среди студентов на демонстрации (предположительно 1971 г.).

мы-то не видели всей закулисной работы и борьбы, которая внутри всегда происходит. Люди разные, и поэтому всегда противоречия, и интрига какая-нибудь, может, тоже возможна. Но общий тон был, да, – совместной дружной работы. Особенно, когда начались комплексные исследования. Каждый как-то в это включился, хоть как: ты мог и не работать прямо, но все равно это было какое-то общее дело. Вообще чувство общего дела и желание его обязательно выполнить – это было и очень увлекало людей. На нас всё это пробовали, и мы сами начинали свои эксперименты в рамках лабораторной работы. В лаборатории, я имею в виду. Содействовали, чем могли, такой общей работе. Это было хорошо.

- Расскажите, чем занимались в свободное от научной работы время?

- Там были вечера, редко, но были. Очень редко были некоторые выступления художественные. Виктор Михайлович Аллахвердов организовал и возглавил клуб «Леонардо». Благодаря этому яркие люди получили возможность как-то себя показать. Выставки какие-то были… Но мне больше помнится то, что я слышала, такая научная публицистика в устной форме. Это уже хорошо всем известная «Речь о Достоевском» и менее известная «Речь о Блоке» глазами психолога. Эти две речи произнёс Ананьев в связи с юбилеями этих литераторов. Это для меня было что-то особенное. Я думаю, не только для меня.
Какой-то взлет был: взлет мысли, чувства и нашего соучастия. Сами мы организовывали, и я была организатором. Проводили репетиции, все это оформляли, команда была, это и моя инициатива была, поддержанная. Так же и с Достоевским, там тоже была инициативная группа, где я тоже была, поэтому знаю, как все это делалось, кто там участвовал: кто читал стихи, кто играл.
Сейчас тоже делают… Больше, шире бы вовлекать людей. Обязательно должна быть художественная жизнь на факультете, политическая, в смысле участия гражданского скорее, волонтерство какое-то. Какой-то контакт с реальной жизнью обязательно должен быть.
Теперь уже, когда я много знаю другого, понимаю, что там тоже были разные люди: и недовольные, и обиженные чем-то, и конкуренты, но были регуляторы другие. Ну, скажем, партийная организация, она могла взять это в свои руки, как-то расставить на места. Хорошо или плохо – другой вопрос, но такие специальные регуляторы были, которые отлаживали отношения, расставляли кадры. Очень серьезно это все обсуждалось, даже на верхах. Когда Ананьева утверждали заведующим кафедрой, то при Сталине это доходило до совета министров. Это считалось совсем не делом частных лиц. Анкеты тогда составляли огромные, человека изучали буквально через лупу, пристально очень. Конечно, это избыток тщательности, который мог даже вредить, но то, что это было серьезно – несомненно. Может быть, слишком серьёзно. Жизнь сейчас другая, мне кажется, надо развивать демократические начала, больше обсуждать, но по горизонтали… Не надо идеализировать, но общая атмосфера была, мне кажется, хорошей, открытой. Открытости было больше тогда…
Не надо возвращаться, надо идти вперед, извлекая уроки. Все равно все будет по-другому. Осмыслять все, что с нами происходило, и делать новые шаги. Стараться, чтобы связь времен не распадалась. Я как историю пытаюсь поднимать, нельзя все начинать с нуля, это абсолютно глупо, как будто ничего не было. Все было. И все должно продолжаться. Это хороший мотив для всякого поколения, что они не последние, но и не первые. В цепочке свое звено держат, и слава богу, пусть удержат его, как следует. Хорошо отрезвляет. Некоторые думают, что они все познали, и такие передовые… а нет, люди были не глупее нас, а, напротив, часто, бывает, удивляешься даже, какие крупные люди. Хорошо, если о нас тоже когда-нибудь так скажут: «Вот были люди в то время. Богатыри…».

Это интересный вопрос о том, как идёт прогресс человечества или регресс, или только временные какие-то спады и подъёмы, есть ли вообще линия вверх. Много пессимизма насчёт этого сейчас. Что нет никакого прогресса: человек был плох и остается таковым. Лично мне не хочется с этим соглашаться. Это демотивирует нас. Всегда думаешь, мы еще покажем. Вообще человек — это такой потенциал, который до конца не раскрывается, люди сами не знают, на что способны. Почему Борис Герасимович так любил эту проблему потенциала? Потому что ему казалось, что там залог всего, что может случиться с обществом, огромный потенциал прогресса, еще не раскрытый.

Елизавета НИКИФОРОВА

5. Борис Герасимович Ананьев - декан факультета психологии ЛГУ, фото 1960-х годов.

6. Фото между 1955-65 гг. Из фотоархива Василеостровского района.